

Международная безопасность

К ВОПРОСУ О НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Е. А. Шибаета*

Данная статья является продолжением разработки проблем юридической природы и правового положения межправительственных организаций универсального характера¹.

Отказ от идеологических стереотипов, рожденных временами «холодной войны», предоставляет возможность нового подхода к исследованию важнейших проблем современных международных отношений и международного права, к числу которых принадлежит проблема наднациональности международных организаций².

Термин «наднациональность» в современном его употреблении появился в международно-правовой литературе и практике в связи с созданием и деятельностью Европейских сообществ (ЕС). С тех пор и в нашей, и в зарубежной литературе ему уделяется постоянное внимание.

Для большинства зарубежных авторов характерно федералистское толкование наднациональности, то есть отождествление наднациональности с федерализмом³.

Нельзя не согласиться с А. С. Феценко, который, касаясь такого понимания концепции наднациональности, пишет: «Прежде всего необходимо отличать федералистскую идею «наднациональности» «отцов западноевропейской интеграции» от реально существующего в рамках международных организаций *наднационального механизма международного сотрудничества* (курсив мой.— Е. Ш.)»⁴.

---

* Профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук.

В советской литературе имеет место большой разброс мнений, свидетельствующий о том, что у нас все еще нет устоявшегося понятия наднациональности. Наиболее полно оно рассматривается в работах А. Н. Талалаева⁵, А. С. Фещенко⁶, В. А. Василенко⁷ и коллектива ученых Института мировой экономики и международных отношений⁸. Не со всеми положениями, высказанными в этих работах, мы согласны, однако сам подход к исследованию проблемы наднационального права через соотношение суверенитета государств-членов и права органа международной организации принимать обязательные решения разделяется нами.

В данной статье рассмотрение проблемы наднациональности проводится в связи с глобальными проблемами и поиском наиболее эффективных путей их решения в рамках международных организаций. При этом автор полагает, что у мирового сообщества нет сейчас иного выбора, кроме как найти ответ на вызов глобальных проблем.

Человечество вступило в новый ответственный этап своего развития, когда вопрос встал о выживании человечества, а следовательно, и о средствах, с помощью которых удалось бы избежать его гибели. По какому пути должны пойти государства, чтобы сохранить человеческую цивилизацию, каким должен быть международный правопорядок будущего? Все это вопросы, на которые нет однозначного ответа. Ясно только одно, что решение этих вопросов возможно с позиции нового мышления, главными составными которого являются: приоритет общечеловеческих ценностей, взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, баланс интересов⁹.

Уже более ста лет международный правопорядок устанавливается государствами, наряду с другими средствами, и с помощью международных организаций¹⁰. За этот период международные организации прошли огромный путь как внутреннего, так и межорганизационного развития¹¹. Однако сейчас они подошли к такому рубежу, когда для выполнения ими роли одного из стратегических средств в руках государств требуется *качественно новый уровень* их развития, который связывается нами с наделением межправительственных организаций *элементами наднациональности*.

В настоящее время в системе международно-правового регулирования нет универсальной межправительственной организации, которая обладала бы таким качеством¹². В связи с этим представляется ошибочным мнение А. С. Фещенко о наличии элементов наднациональности у Международного органа по морскому дну (МОМД)¹³. МОМД по своей юридической природе — межгосударственная организация¹⁴.

Правильнее, с нашей точки зрения, было бы говорить, что в учредительных актах международных организаций, деятельность которых носит эксплуатационно-хозяйственный и промышленный характер, заложены тенденции приобретения ими элементов наднациональности.

Вопрос о наднациональности международных организаций — это вопрос о соотношении суверенитета государств — членов организации с полномочиями созданного ими внутриорганизационного механизма.

Оставляя в стороне вопрос о традиционном понятии суверенитета, достаточно полно исследованный в нашей литературе, еще раз подчеркнем лишь то, что вступление суверенного государства в международную организацию есть не что иное, как добровольное делегирование государством части своих суверенных прав органу международной организации¹⁵. Степень делегирования и составляет, с нашей точки зрения, сущность института наднациональности.

Появление глобальных проблем и их «приход» в международные организации (а все глобальные проблемы входят в предметную компетенцию универсальных международных организаций, составляющих систему ООН)¹⁶ вызвали дальнейшую институционализацию международных отношений. Институционализация международных отношений — тенденция мирового развития, объективным основанием которой является интенсификация международных отношений. Она началась задолго до появления глобальных проблем¹⁷. Глобальные проблемы лишь ускорили и усилили действие этой тенденции. Однако реальности международной жизни ныне таковы, что только одно увеличение количества действующих международных органов само по себе не в состоянии обеспечить решение глобальных проблем. Для этого нужны не только количественные прорывы в характере международно-правового регулирования, связанного с глобальными проблемами¹⁸. Такой прорыв мы видим в придании международным организациям универсального характера элементов наднациональности, или, другими словами, в создании или преобразовании уже существующих органов, юрисдикционная компетенция которых включала бы их право принимать *решения обязательного характера по всем* (а не только внутриорганизационным) *вопросам* международного сотрудничества, действующие на территории государства-члена *без трансформации*.

Будет ли это означать изменение координационного характера самого международного права как системы и превращение его в транснациональное? Нет. Практически речь может идти о примате международного права над внутригосударственным

в той его части, источником которой являются постановления органов международной организации, имеющие обязательную силу.

Придание международным организациям элементов наднациональности *автоматически* не связано с изменением их юридической природы как межгосударственных организаций. Примером являются Европейские сообщества, которые, обладая элементами наднациональности, продолжают оставаться межгосударственными организациями¹⁹.

Так каково же содержание понятия наднациональности?

Понятие наднациональности²⁰ дано в нашей литературе в работах А. Н. Талалаева²¹, В. А. Василенко²² и А. С. Фещенко²³.

Так, А. Н. Талалаев пишет: «Надгосударственность²⁴ обладает, на наш взгляд, рядом признаков: 1. Право данного органа организации обязывать своих членов без их согласия и против их согласия, путем принятия обязательных решений большинством голосов. 2. Право своими решениями обязывать и уполномочивать физических или юридических лиц или государственные органы государств-членов непосредственно без трансформации этих решений в национальное право государств. 3. Наделение правом принимать решения, указанные в пунктах 1 и 2, непредставительные органы, то есть органы, состоящие из независимых от государств международных чиновников. 4. Право органа и организации на вмешательство в важные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств»²⁵.

Уточняя данное им понятие наднациональности, А. Н. Талалаев высказывает важное положение о том, что «при создании надгосударственной организации происходит как бы «переход» определенных элементов внутренней компетенции государств-членов к этой организации. При этом качество надгосударственности распространяется как на стадию формирования воли такой организации, так и на стадию ее осуществления»²⁶.

Этим положением уточняется, с нашей точки зрения, степень делегирования государствами-членами своих суверенных прав органам международной организации.

Определение, данное институту наднациональности А. С. Фещенко, также идет в русле проблемы соотношения государственного суверенитета и полномочий органов организации. «Наднациональность с точки зрения международного права,— пишет А. С. Фещенко,— можно определить как совокупность полномочий (юридически закрепленных или подразумеваемых), которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования их взаимоотношений, причем эти полномочия имеют приори-

тетный характер по отношению к соответствующей компетенции стран-членов, включая возможность принятия обязательных для них решений»²⁷.

В данном определении необходимо выделить три положения автора, которые как бы очерчивают объем возможных полномочий органа в наднациональных международных организациях: 1) возможность иметь подразумеваемые полномочия; 2) целенаправленность регулирования международным органом отношений государств-членов; 3) приоритетный характер компетенции международного органа по отношению к соответствующей компетенции стран-членов.

И наконец, в монографии В. А. Василенко «Основы теории международного права» понятие наднациональности дополняется очень важным положением об условиях правомерности этого правового явления. «Возникает вопрос,— пишет В. А. Василенко,— согласуется ли явление наднациональности с основными принципами общего международного права и какими политико-правовыми последствиями оно чревато. Как отмечалось выше, для феномена наднациональности характерны отказ государств-членов от какой-то части своих суверенных прерогатив и наделение аналогичными прерогативами органов международной организации. Если такой отказ является следствием действительно свободного волеизъявления договаривающихся сторон, если каждая из них отказывается от своих суверенных прерогатив в равной мере с другими и к тому же реально обеспечиваются их национальные потребности, интересы и цели, то вряд ли может возникнуть обоснованное сомнение в правомерности явления наднациональности с точки зрения международного права»²⁸.

Как уже было сказано, мы разделяем основные положения, высказанные А. Н. Талалаевым²⁹, В. А. Василенко и А. С. Фещенко в связи с понятием института наднациональности.

Необходимость создания международных универсальных организаций, обладающих элементами наднациональности, проистекает, с нашей точки зрения, из появившейся у государств в связи с решением глобальных проблем потребности в *достижении единства общеобязательного поведения государств*.

Тезис о единстве общеобязательного поведения государств непосредственно связан с тезисом о балансе интересов. Последний, как элемент нового политического мышления,— политическая категория. Его правовым эквивалентом является единство общеобязательного поведения государств. Путь к нему лежит через повышение эффективности норм международного права прежде всего с помощью такого средства, как международные организации.

Возросшее в современную эпоху значение международных универсальных организаций, особенно системы ООН,— не случайное явление. Оно объясняется той ролью, которую они играют в международно-правовом регулировании международных отношений. В свою очередь, эта роль определяется широкими потенциальными возможностями организаций, проистекающими из целой серии свойств (признаков), присущих институту международных организаций. К ним относятся: 1) возможность концентрации действий всех или почти всех государств мира через институт членства (членами ООН в настоящее время являются 179 государств); 2) возможность постоянного систематического сотрудничества государств, обеспечиваемого посредством института постоянных представительств государств-членов при международных организациях; 3) возможность сотрудничества государств-членов одновременно по широкому кругу вопросов (повестка дня 45-й сессии Генеральной Ассамблеи содержала 155 вопросов); 4) обладание нормотворческой функцией (организации не только участвуют в создании норм международного права государствами, но и сами, обладая договорной правоспособностью, создают эти нормы); 5) обладание контрольной функцией (существование в системе ООН ряда контрольных механизмов); 6) возможность применения санкций к нарушителям норм права (например, институт исключения из организации или приостановление членства в ней); 7) наличие в составе внутриорганизационного механизма судебных органов (например, Международный Суд ООН, Арбитраж в ВПС и др.); 8) возможность приспособления международных организаций к потребностям оперативной функции через модификацию внутриорганизационного механизма (например, создание таких организаций, как Инмарсат и Международный орган по морскому дну) и, наконец, 9) возможность широкого межорганизационного сотрудничества (например, существование системы ООН), соответствующая взаимозависимости и взаимосвязанности современного мира.

Рассмотренные характерные признаки (свойства) организации свидетельствуют о широком диапазоне возможностей международных организаций в международно-правовом регулировании международных отношений, и прежде всего в установлении единства общеобязательного поведения государств, с помощью которого и будет осуществляться регулятивное воздействие на международное сотрудничество, чего, собственно, и требует решение глобальных проблем.

К этому необходимо добавить, что действие большинства из указанных институтов урегулировано нормами права, содержащимися как в учредительных актах (уставах международ-

ных организаций), так и в специально принятых многосторонних и двусторонних договорах. К ним принадлежат: Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 года, Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года, двусторонние соглашения о сотрудничестве, заключенные между ООН и специализированными учреждениями и МАГАТЭ, а также ряд межорганизационных соглашений.

Ядерный век изменил ситуацию, и борьба за выживание человечества уже не может сводиться к идеологической борьбе с ее военным противостоянием и жестким политическим давлением. Государства отошли от такого внешнеполитического курса. Ныне борьба за выживание должна состоять *в создании условий для выживания*. И здесь наука имеет немаловажное значение. Ее задача заключается в выявлении новых возможных альтернатив будущего развития человечества³⁰. Мы видим эту задачу в поиске новых международных механизмов, направленных на создание такого международного правопорядка, который обеспечивал бы повышение эффективности действия норм международного права с их мирной направленностью.

Сохранят ли международные организации свое значение в будущем развитии человечества? Безусловно. Все рассмотренные выше свойства международных организаций «работают» и на глобальные проблемы. Но для обеспечения единства общеобязательного поведения государств, которое рассматривается нами как главное условие успешного решения глобальных проблем, необходимо придать межгосударственным организациям элементы наднациональности. Это значит создать в рамках международных организаций, наряду с другими, такие органы, предметная компетенция которых будет содержать только вопросы, связанные с глобальными проблемами³¹, а их юрисдикционная компетенция будет предусматривать право принятия по этим вопросам решений обязательного характера, имеющих на территории государства-члена *без трансформации ту же юридическую силу, что и национальный закон*. Таким образом на территории одного и того же государства будет осуществляться действие как национальной, так и международной юрисдикции. Их соотношение будет определяться объемом предметной и юрисдикционной компетенции созданного органа. Но это действие не должно выходить за рамки глобальных проблем.

Примером возможности такой ситуации является практика Европейских сообществ, где действие созданной ими правовой

системы распространяется лишь на интеграционные процессы³².

По существу, речь идет о примате международного права над внутригосударственным³³. Однако установление такого порядка не тождественно транснациональному праву — спутнику мирового государства³⁴.

В связи с возможным созданием наднациональных механизмов возникает необходимость в новом осмыслении понятий международной юрисдикции и функционального суверенитета³⁵.

Однако вернемся к рассмотренным выше определениям понятия наднациональности. Все они содержат как бы «концентрированное» выражение этого правового явления. Его конкретная реализация будет определяться потребностями международной жизни и волеизъявлением суверенных государств. Тем не менее отдельные соображения в связи с практической реализацией наднациональности в будущем хотелось бы высказать.

Государства должны обеспечить дальнейшее развитие нормотворческой функции организаций³⁶ прежде всего в плане выработки международных стандартов, содержащих унифицированные нормы права, обеспечивающие единство общеобязательного поведения государств, контроль за соблюдением которых потребует создания целого ряда контрольных механизмов, и, следовательно, развитие контрольной функции³⁷. Необходимость выработки унифицированных норм потребует дальнейшего развития кодификационной функции организаций.

Основания для применения санкций против нарушителей норм права должны быть расширены. Сейчас они, как показывает практика, применяются в основном к нарушителям положений устава организации, в будущем они должны *систематически применяться* к нарушителям «глобального права», которое должно появиться в результате выработки единства общеобязательного поведения государств по глобальным проблемам. Споры между государствами, возникающие в связи с глобальными проблемами, должны рассматриваться судебными учреждениями, имеющими обязательную юрисдикцию.

Должно произойти дальнейшее развитие международных организаций, осуществляющих эксплуатационно-хозяйственную и промышленную деятельность в плане их разнородности и разнovidности. Сейчас они функционируют как межгосударственные организации, их деятельность в этом качестве, как мы полагаем, сохранится, и выработка общей политики будет их прерогативой, но возникнет, по-видимому, потребность в создании сети международных организаций, осуществляющих непосредственное оперативное регулирование по отдель-

ным видам глобальных проблем³⁸. В связи с этим, с нашей точки зрения, возможен новый подход к рассмотрению концепции так называемых структурных функционалистов³⁹.

И конечно, дальнейшее развитие получит система ООН.

Сбалансированность деятельности всех международных организаций, задействованных в правовом регулировании глобальных проблем, будет в будущем, с нашей точки зрения, осуществляться на базе системы ООН. Поэтому необходима дальнейшая разработка принципов межорганизационного сотрудничества. Пока в системе ООН действует только один принцип — принцип координации, причем этот принцип регулирует отношения хотя и важнейшего звена системы, но единственного — отношения ООН и специализированных учреждений. Необходимо распространить его действие на все звенья системы.

Однако наибольшие изменения должен претерпеть внутриорганизационный механизм⁴⁰. Имеются в виду: изменения в порядке формирования органов ограниченного членского состава, дальнейшее укрепление позиций консенсуса среди правил принятия решений органами организации, более жесткое определение соотношения компетенции органов организации, совершенствование процедурных положений, создание в международных организациях групп высококвалифицированных экспертов для разработки наиболее острых правовых проблем глобальной системы.

С нашей точки зрения, должна возрасти и роль международных неправительственных организаций⁴¹. В основу разработки проблемы наднациональности должен быть положен комплексный подход, затрагивающий как теоретические вопросы, так и вопросы, имеющие практическое значение.

Мы полагаем, что государства давно вступили на путь выработки единства общеобязательного поведения государств, что свидетельствует о том, что у государств существует объективная потребность в этом. В качестве доказательства этого обратимся к международным административным союзам. Уже во Всеобщей почтовой конвенции 1874 года были закреплены три принципа международного почтового обмена, носящие всеобщий характер, так как участниками конвенции были все цивилизованные государства. Эти принципы следующие: 1) единство почтовой территории; 2) свобода транзита; 3) единообразный тариф. А в более поздних конвенциях, в частности в Конвенции 1957 года, уже закрепляется их императивность. Так, статья 35 устанавливает: «Если какая-либо страна не соблюдает постановлений ст. 34, касающейся свободы транзита, то администрации других стран имеют право прекратить почтовые сношения с этой страной»⁴².

Разработка и принятие административных регламентов (МСЭ), международных стандартов (ИКАО), медико-санитарных правил (ВОЗ), технических регламентов (ВМО), содержащих унифицированные нормы в определенных сферах взаимоотношений государств (связь, летное дело, карантин, метеорология),— это тоже путь к обеспечению единства общеобязательного поведения государств. Правда, пока указанные акты не имеют обязательной силы и не действуют без согласия государства на его территории, однако на практике все государства в них участвуют и, главное, не могут не участвовать. Так, бывший Советский Союз, например, не будучи до ноября 1970 года членом ИКАО, пользовался при полетах самолетов СССР на международных воздушных линиях международными стандартами, разработанными ИКАО, что подтверждается рядом международных соглашений, заключенных СССР с иностранными государствами⁴³.

И уже сейчас отдельные авторы предлагают считать международные стандарты односторонними актами Совета ИКАО⁴⁴—органа международной организации.

Идет процесс унификации норм и в сфере международно-правового регулирования прав человека.

Разработка международных стандартов будет унифицировать и систематизировать неупорядоченную практику государств и тем самым способствовать установлению единства общеобязательного поведения государств⁴⁵.

Подробное рассмотрение в данной статье роли международных организаций в установлении единства общеобязательного поведения государств не должно рассматриваться как умаление значения других средств, и прежде всего международного договора, в этом процессе. В обеспечении примата международного права над внутригосударственным ему принадлежит значительная роль⁴⁶. Однако деятельность международных организаций нам кажется предпочтительней⁴⁷, потому что порой добиться положительного решения вопроса легче через принятие постановления органа международной организации, нежели международного договора, как это, например, имело место в случае создания в 1964 году ЮНКТАД⁴⁸, в основе которого лежала резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1995 (XIX) от 30 декабря 1964 г., принятая на ее 19-й сессии.

Процесс приобретения международными организациями элементов наднациональности будет носить *постепенный и длительный характер*. Он не произойдет в одно или два десятилетия. Но он является неизбежным в деле сохранения человеческой цивилизации, связанного с необходимостью решения глобальных проблем. И государства должны осознать

необходимость этого, равно как и свою ответственность за глобальное будущее человечества.

¹ См. **Шибаета Е. А.** Правовой статус межправительственных организаций.— М., 1972; *её же.* Право международных организаций.— М., 1986.

² См. выступление **Г. И. Морозова** на теоретическом семинаре на тему: «Международные организации и проблема наднациональности», проведенном **ИМЭМО АН СССР** // *Мировая экономика и международные отношения*.— 1988.— № 9.— С. 130.

³ Подробно см. **Шабан И. С.** Империалистическая сущность западноевропейской интеграции. Международно-правовые аспекты.— М., 1971; **Кузнецов В. И.** СЭВ и «Общий рынок». Правовые проблемы.— М., 1978; **Фещенко А. С.** Явление наднациональности в деятельности международных организаций // *Сов. ежегодник международного права*. 1987.— М., 1988; **Василенко В. А.** Основы теории международного права.— Киев, 1988.— С. 168—174.

⁴ **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 159.

⁵ **Талалаев А. Н.** Критика буржуазных правовых концепций относительно СЭВ и социалистической экономической интеграции // *Совет Экономической Взаимопомощи. Основные правовые проблемы*.— М., 1975.— С. 369—370.

⁶ **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 159—170.

⁷ **Василенко В. А.** Указ. соч.— С. 170—172.

⁸ *Мировая экономика и международные отношения*.— 1988.— № 9.— С. 130—135.

⁹ См. **Горбачев М. С.** Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— М., 1988.

¹⁰ Первая постоянно действующая международная организация — Международный телеграфный союз — была создана в 1865 году.

¹¹ См. **Шибаета Е. А.** Право международных организаций.

¹² Обладание Советом Безопасности ООН правом принимать обязательные для государств — членов ООН решения по вопросам существа носит специфический характер и не свидетельствует о наднациональности ООН.

¹³ **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 164—165.

¹⁴ См. **Шибаета Е. А.** Право международных организаций.— С. 101.

¹⁵ **В. А. Василенко** справедливо отмечает, что «субординационность как особый вспомогательный аспект метода регулирования межгосударственных отношений следует отличать от явления наднациональности или надгосударственности, которое характеризуется добровольным отказом взаимодействующих государств от определенных суверенных прерогатив и их передачей органам создаваемых ими постоянных международных организаций» (см. **Василенко В. А.** Указ. соч.— С. 168).

¹⁶ О понятии системы ООН см. **Шибаета Е. А.** Право международных организаций.— С. 65—71.

¹⁷ Там же.— С. 11—16.

¹⁸ См. **Актуальные проблемы деятельности международных организаций**.— М., 1982.— С. 268.

¹⁹ См. **Кузнецов В. И.** Указ. соч.— С. 27.

²⁰ Что касается самого термина «наднациональность», то в работах встречается не только термин «наднациональность», но и термин «надгосударственность». Оба они, как отмечалось в нашей литературе, «обозначают одно и то же правовое явление». Наибольшее употребление получил термин «наднациональность».

²¹ **Талалаев А. Н.** Указ. соч.— С. 369—370.

²² **Василенко В. А.** Указ. соч.— С. 168—171.

²³ **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 159—170.

²⁴ А. Н. Талалаев при рассмотрении понятия «наднациональность» пользуется термином «надгосударственность».

²⁵ **Талалаев А. Н.** Указ. соч.— С. 369—370.

²⁶ Там же.— С. 370.

²⁷ **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 170.

²⁸ **Василенко В. А.** Указ. соч.— С. 171.

²⁹ О нашем критическом отношении к четвертому признаку понятия наднациональности, названному А. Н. Талалаевым, см. **Шibaева Е. А.** **Право международных организаций**.— С. 36—37.

³⁰ Один из крупнейших политологов США профессор М. Месарович дал следующее название своему докладу, представленному им в 1989 году Римскому клубу: «Поиск новой парадигмы для глобальной проблематики». Конспект этого доклада см. **Лейбин В. М.** **Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии**.— М., 1991.— С. 45—61.

³¹ А. С. Фещенко называет это целенаправленным регулированием органом отношений государств-членов (см. **Фещенко А. С.** Указ. соч.— С. 170).

³² См. **Кузнецов В. И.** Указ. соч.— М., 1978.

³³ См. **Блищенко И. П.** На пути к созданию нового международного правопорядка // **Сов. государство и право**.— 1989.— № 4.— С. 111.

³⁴ Критический разбор западных концепций по вопросу мирового государства см. **Тункин Г. И.** **Идеологическая борьба и международное право**.— М., 1967.— С. 138—166.

³⁵ См. **Тинберген Ян.** **Пересмотр международного порядка**.— М., 1980.— С. 111—114.

³⁶ **Крылов Н. Б.** **Правотворческая деятельность международных организаций**.— М., 1988.

³⁷ О контроле международных организаций см. **Котляров М. И.** **Международный контроль с использованием космических средств**.— М., 1981.— С. 11.

³⁸ См. **Тинберген Ян.** Указ. соч.— С. 111—114, 385—393.

³⁹ См. **Шibaева Е. А.** **Право международных организаций**.— С. 89—92.

⁴⁰ См. **Seyersted Finn.** Binding authority for the United Nations and other international organizations in limited functional and territorial fields // **Nordic Journal of International Law**.— Vol. 56.— 1987.— P. 198—204.

⁴¹ См. **Тимошенко А. С.** **Формирование и развитие международного права окружающей среды**.— М., 1986.

⁴² Подробно см. **Шибаета Е. А.** Международные организации в области транспорта и связи.— М., 1960.— С. 6—8.

⁴³ См. **Шибаета Е. А.** Правовой статус межправительственных организаций.— С. 102.

⁴⁴ См. **Малеев Ю. Н., Васильев Н. И.** Технические регламенты в международном воздушном праве // Сов. ежегодник международного права. 1977.— М., 1979.— С. 172—173.

⁴⁵ А. С. Тимошенко в своей книге «Формирование и развитие международного права окружающей среды» пишет: «Эффективная охрана окружающей среды возможна только на путях координации национального законодательства и международного права, поскольку ни одна из указанных систем правового регулирования, взятая в отдельности, не способна удовлетворительно решить проблемы глобального природоохранения» (Тимошенко А. С. Указ. соч.— С. 42—43).

⁴⁶ См. **Блищенко И. П.** Указ. соч.— С. 116—117.

⁴⁷ Наша точка зрения разделяется рядом ученых. См. **Актуальные проблемы деятельности международных организаций.**— С. 269.

⁴⁸ См. **Фомин В. В.** К вопросу о создании международной торговой организации // Сов. государство и право.— 1965.— № 5.— С. 125—130.